

Жаркий Крым 90-х

ДЕТЕКТИВНЫЕ
РОМАНЫ

Андрей Дышев

ЧАС ВОЛКА

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д91

Дышев, Андрей Михайлович.
Д91 Час волка / Андрей Дышев. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Жаркий Крым 90-х. Детективные романы).

ISBN 978-5-04-250254-5

Крым, Судак. Два часа дня. «Шестёрка» сбивает женщину на пешеходном переходе у кинотеатра. Водитель — актриса Инга — в панике давит на газ и скрывается с места происшествия. На бампере остаются вмятины и следы крови. Труп увозят в морг. Милиция начинает прочёсывать город.

Но есть одна деталь, которая всё меняет. За секунду до удара Инга видела мужчину в красной майке, стоящего вплотную за жертвой. Ей показалось, что он толкнул женщину под колёса.

Инга умоляет о помощи частного детектива Кирилла Вацуру. Тот прячет машину в лесу. Заливает бампер бензином, стирает кровь. Он понимает: теперь он не просто свидетель. Он — соучастник. Если мужчина в красной майке существует, то это убийство. Но если его не найдут — тюрьма ждёт Ингу и Кирилла.

Милицейские кордоны сжимаются. Машину с уликами надо вернуть в автошколу через час. И Кирилл понимает: случайностей не бывает. Кто-то сводит счёты. Кто-то охотится. И жертвой может оказаться не только напуганная актриса.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-250254-5

© Дышев А., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

Обогнать с первого раза учебную «шестерку» с предупреждающим треугольником на крыше мне не удалось. Как раз в тот момент, когда я обходил машину слева, «шестерка» повела себя так, словно за ее рулем сидел плохо выдрессированный медведь. Машина вдруг рванула вперед, зашуршав колесами по гравию, и, обгоняя стоящий впереди хлебный фургон, тоже начала брать влево. Она беспардонно прижимала мой крупный «Ниссан-Террано» к бордюру встречной полосы. Я на всякий случай посигналил. Потом, удивляясь отчаянной храбрости ученика и его инструктора, притормозил, уважительно пропуская ошалевшую машину.

Мы бы разминулись вполне благополучно, если бы из-за поворота прямо на меня не выкатил автобус. Спасая машину от издержек учебного процесса, я прихлопнул ногой педаль акселератора, словно какого-то вредоносного жука. Сто сорок пять лошадинок турбодизеля снарядом кинули «Ниссан» вперед, в узкий промежуток между «шестеркой» и автобусом. Когда я наконец снова вырулил на свою полосу, оставив учебную машину позади себя, «шестерка» встала как вкопанная посреди дороги и заглохла.

Я сбавил скорость, с сочувствием наблюдая в зеркало за убийственным автотренажером. Со стороны инструктора распахнулась дверь, и из машины вывалился коренастый крепыш в темных брюках, сандалиях, одетых на красные носки, и в майке, украшенной рекламой пива. Он был очень огорчен, сильно размахивал руками, отчитывая ученика, который по-прежнему сидел в машине и не высовывался.

На ловца и зверь бежит, подумал я, узнав в инструкторе своего соседа Виктора Куценко, который в прошлом месяце одолжил у меня, кажется, штуку (или две?) баксов. Дал задний ход, мягко прижавшись к передку «шестерки», заглушил машину и вышел наружу.

Виктор не сразу разглядел мои добрые намерения и на всякий случай отступил назад, за свою красную развалюху. Исподлобья глядя на меня, он нескладно и безадресно выругался:

— Да что за дела!.. Не поймешь, черт возьми, что творится! Все с ног на голову поставлено!..

Я снял темные очки. Виктор меня узнал, откровенно обрадовавшись тому, что хозяин «Ниссана» его сосед, а не какой-нибудь уголовный элемент с туманным прошлым, но ясными противоправными намерениями. Правда, уже через мгновение по его лицу пробежала тень — кажется, он вспомнил про долг, и это испортило ему настроение.

— Привет, — упавшим голосом сказал он, протягивая свою широкую, с короткими пальцами ладонь.

Люди, которые должны, так не любят смотреть в глаза!

— Чего шумишь? — примирительно сказал я.

Виктор, ожидавший неприятного вопроса про баксы, оживился и с удовольствием стал закапываться в начатую мной тему:

— Я объясняю: педаль сцепления надо отпустить сначала на треть хода, а потом потихоньку, как пробку из-под шампанского...

— Так возьми бутылку и покажи, а не ругайся, — посоветовал я. — Или дай разок по затылку. Это помогает.

— По затылку! — буркнул Виктор и мельком взглянул на запыленное окно «шестерки». — Эту нельзя. Актриса!

Вокруг нас скапливался народ, в основном местные пенсионерки. В отличие от курортников, им было скучно, и они хотели посмотреть на разборку. Большая, как корова, бабуля в больничном халате, махая перед собой газетой, басом рассказывала анекдот про то, как на шестисотый «Мерседес» наехал «Запорожец». Юмора никто не понял. Мои землячки не знали, что такое «Мерседес», а «Запорожец» считали нормальной и очень популярной в здешних краях машиной.

Я всматривался сквозь стекло «шестерки», тщетно пытаясь рассмотреть сидящую за рулем актрису. Я полагал, что там должно находиться некое перепуганное, эфемерное, полупризрачное существо с белой до синевы кожей, слабым голосом и томным взглядом. Ничего не увидев, я хотел напомнить Виктору, чтобы он перед выездом тщательнее мыл стекла, но в этот момент дверь открылась, и я увидел каштановую шапку волос с обесцвеченной челкой, а затем и широко-скулое загорелое лицо девушки лет двадцати пяти.

Она заметно отличалась от приезжих, переполнивших пляж, необычным сочетанием цвета волос и ярко-зеленых миндалевидных глаз, а также профессиональным макияжем, где тональный крем, тушь и тени едва угадывались на ее лице. А вызывающая одежда (лайкровые велотрусы до колен и широкая рубашка-косоворотка с длинными рукавами, свисающими, как у петрушки) красноречиво подтверждала, что девушка привыкла привлекать к себе внимание.

Ступив босыми ногами на горячий асфальт, она вытащила откуда-то из-под педалей пару босоножек, надела их, после чего оперлась о горячий капот «шекстерки» и высокомерно посмотрела на меня.

— Надеюсь, я вас не задела? — спросила она.

— К счастью, нет. Но я просто чудом успел выскользнуть из-под ваших колес.

— Я не виновата, — объявила девушка безапелляционным тоном. — Просто у этих «Жигулей» плохо крутится руль. И инструктор у меня злой.

— Насчет руля вы, может быть, не совсем точно выразились, — тактично заметил Виктор. — Я лично проверял машину перед выездом. Дело в другом: прежде чем перестроиться в соседний ряд, надо убедиться, что этим маневром водитель не создаст...

Я с любопытством рассматривал актрису. Где она играет? И какие роли?

— Вы в самом деле актриса? — спросил я девушку.

Она не ответила на мой вопрос и опустила на глаза непроницаемо-черные очки с круглыми стеклами в оправе из белого металла.

Монахиню она сыграть не сможет, решил я, разве что в кинокомедии.

Виктор топтался рядом, мечтая быстрее распрощаться со мной. Зрители разочарованно покидали место действия. Был полдень. Злое солнце и аура курортного безделья возбуждали человеческие слабости. Я уже не мог думать о цементе. Мне хотелось сняться с этой актрисой в крутом эротическом сериале из трехсот серий.

Виктор увядал прямо на глазах, как выброшенная на берег водоросль. Я продолжал пялиться на девушку, и затянувшуюся паузу мой сосед воспринял как немой вопрос относительно денег.

— У меня сейчас небольшие финансовые затруднения, — наконец родил он.

Актриса начала скучать. Проблемы инструктора ее не интересовали. Ее учебное время шло впустую.

— А вы знаете, — сказал я ей, не обратив внимание на реплику Виктора, — что у нас в школе был самодельный театр. И как-то мы поставили пьесу «Розовый слон». Это была кличка басиста школьного ансамбля. Крепкий такой рыжеволосый парень с гитарой в руках... Правда, у него не было ни голоса, ни слуха. Он вообще был глухим и во время концертов ходил по сцене и, ничего не замечая, давил барабаны, усилители и колонки. Потом провалился под сцену, но и там продолжал играть один и тот же звуковой ряд. И все кричали ему: «Слон! Слон!» Так вот, этого Слона играл я.

— Мне это не интересно, — ответила артистка и села в машину.

Виктор развел руками, словно хотел извиниться за бестактное поведение своей подопечной, и взялся за ручку двери.

— Как зовут? — спросил я.

— Эту? — зачем-то уточнил Виктор, глянув на запыленное стекло, и, словно выдавая какую-то нелicenseприятную семейную тайну, нехотя ответил: — Инга, кажется.

Он начал влезать в машину, как в змеиный питомник. С актрисой по городу катается, подумал я, а такая физиономия протокольная.

— Не вернешь бабки через два дня, — ласковым голосом сказал я ему, — включу «счетчик».

Деловое выражение стало сползать с лица инструктора, как пригоревший блин со сковородки. Я невольно покачал головой, сетуя на свой скверный характер. Это была всего лишь шутка, а Витек теперь ночь спать не будет.

Ничего, успокоил я себя, провожая глазами «шестерку», которая, как хромая лошадь, толчками набирала скорость. Ночь не поспит, зато духовно обогатится, общаясь с этой зеленоглазой музой. Все в жизни должно быть сбалансировано.

ГЛАВА 2

Я дождался первого гудка и мысленно попросил бога связи и телефонных коммуникаций проявить милосердие. Слушая второй гудок, остановил дыхание. Затем раздался щелчок и опять включился автоответчик.

Этот автоответчик достал меня больше всего. Нормальная вроде бы женщина, и голос у нее красивый, а как записала себя на пленку — уши начали вянуть от дурацкого приветствия: «Здравствуйте! К сожалению, сейчас никто не может подойти к телефону. Оставьте

свое сообщение после длинного сигнала». Анна сразу представлялась мне этакой компьютерной куклой со стеклянными глазами и ритмично движущимися губами, напичканной примитивными программами, и потому у меня пропадала охота оставлять свое сообщение. Первый раз после длинного сигнала я прокукарекал. На второй раз промычал, а в дальнейшем выразительно блеял, хрюкал, гавкал, словом, старательно наполнял автоответчик жизнерадостными звуками скотного двора.

Не знаю, принимала ли Анна мои сообщения, но на все мои старания напомнить о себе она не подавала признаков существования, не звонила и не писала мне. Этим летом она почему-то изменила своей традиции и не приехала в Судак. Я чувствовал себя одиноким, мечтал о бескорыстной любви и наполнялся ненавистью к бригаде строителей, которые третий месяц ремонтировали мою гостиницу.

— «...Оставьте свое сообщение после длинного сигнала», — в сотый раз выдал дурацкий совет автоответчик из далекой московской квартиры.

Я посмотрел на трубку, намереваясь сожрать ее, но ограничился лишь тем, что после длинного сигнала издал вой сытого леопарда из национального парка Вильпатту на Шри Ланке. Затем опустил трубку в гнездо на аппарате и сказал себе: «Кирилл Вацура! Ты звонил ей в последний раз!»

* * *

В спортклуб «Персей» я обычно приезжал в часы полуденной сиесты, когда город плавился, как шоколад во рту. В это время в залах было пусто, гулял

горячий сквозняк, и не было необходимости дожидаться своей очереди у снарядов. Я «качался» на пару с тренером клуба Герой. У него было интересное ко мне отношение. Гера считал, что тренер, он же учитель, должен воплощать в себе идеал физического совершенства, и всячески пытался продемонстрировать мне свое превосходство. Когда ему это не удавалось, он нервничал и истязал себя.

Если я отжимал от груди штангу и на грифе висела, скажем, «соточка», Гера обязательно подключался ко мне и навешивал еще килограммов десять. Когда я брал и этот вес, он увеличивал его еще на пять кило и, совершив под штангой подвиг, переходил к другому тренажеру, чтобы не видеть, как я буду работать с его весом. Он соперничал со мной с фанатичной целеустремленностью. Я никогда не мордовал боксерскую грушу в одиночку. Рядом, у борцовского мешка, обязательно появлялся Гера и начинал с сердитым воплем наносить по нему удары ногой. Я бил по груше с разворота, апперкотом, ребром ладони и ее тыльной стороной, а Гера, подглядывая за мной краем глаза, кричал и выбивал пыль из мешка ногами. Иногда мне казалось, что он пытается заставить мешок кричать.

Мы вроде как дрались друг с другом, и наш поединок продолжался уже больше года. А вообще, он был хороший парень, только стрижка наголо да татуировки на руках портили его. И еще, несмотря на свой внушительный вид, Гера смертельно боялся девчонок и уже много лет подряд тщетно пытался жениться.

— Кончай потеть! — сказал Гера, когда я приседал со штангой на плечах, мысленно сравнивая ее со своими проблемами. — К тебе мужик пришел.

Я опустил гриф на стояки, вытер тряпкой магнезию с ладоней и накинул на мокрые от пота плечи полотенце.

— Надо рыть бассейн, — сказал я. — Причем двухъярусный, чтобы вода из одного большой струей перетекала в другой, как в аквапарке на Майорке.

Подобными идеями я всегда загонял Геру в угол. Он отчужденно взглянул на меня, потрянул головой, словно сгоняя севшую на лоб муху, но ничего не сказал и стал навешивать на штангу, под которой я только что надрывался, еще пару десятикилограммовых блинов.

Я вышел в тамбур и заглянул на лестницу. На ступенях стоял Виктор Куценко и нервно наматывал на ладонь скрученный жгутом полиэтиленовый мешок; улыбка его была искусственной, словно кто-то невидимый сунул ему два пальца в рот и растянул губы. Наверное, моя еще не остывшая от нагрузки грудь произвела на него тяжелое впечатление, и сосед как-то сразу сник.

Виктор никогда раньше не приходил в клуб. Мне это не понравилось. Тот, кого не ждут, приходит обычно с дурными новостями.

— А-а, сосед! — воскликнул я, стараясь по глазам угадать, с чем пришел Виктор. — Как идет учебный процесс? Научил свою актрису отпускать сцепление?

Я невольно заговаривал ему зубы, заваливал малозначащими вопросами, но Виктор сразу перешел к делу.

— Два дня прошло, — выговорил он, кидая настояренные взгляды на дверь в зал, где страшно гремел железом Гера. — Если можешь, то подожди еще неделю. Через неделю я отдам все...

До меня не сразу дошло, о чем он говорил. Я уже забыл о своей нехорошей шутке про счетчик, а Виктор, оказывается, воспринял мои слова всерьез.

Мне тотчас захотелось дать соседу еще денег. Я похлопал его по плечу и завел в раздевалку. Здесь можно было посидеть в кресле под распахнутыми настежь окнами и попить ледяной минералки.

— Садись, — сказал я ему, заглядывая в холодильник.

Виктору показалось, что я настроен на долгий и крайне неприятный разговор, и решил не оттягивать экзекуцию:

— Нет, давай уже сразу все решим. Можешь меня казнить. Но ситуация вот такая, понимаешь...

— Да ладно, успокойся! — махнул я на него рукой. Нет ничего хуже, когда человек боится тебя без причины и наоборот. — Не рви пакет, пригодится! Селедку в него положишь.

Из зала донесся громкий металлический лязг, а вслед за ним — матерная тирада. Похоже, что Гера уронил штангу себе на ногу.

— Давай все по порядку, — сказал я, срывая ключом пробку с бутылки боржоми.

— Брат с деньгами задержался, — снова начал оправдываться Виктор. — Должен был приехать еще вчера...

— Я не о том! — перебил я его. — Про Ингу рассказывай! Где ты ее нашел?

Виктор был озабочен долгом, Инга же его совершенно не волновала. В этом плане мы с соседом словно говорили на разных языках.

— Да я ее не искал, — ответил Виктор, рассеянно глядя на пузырьки в стакане. — Ко мне ее привел незнакомый парень и сказал, что за десять дней ее надо научить водить машину.

— Почему за десять дней?

— А потом начнутся съемки фильма. А она должна сыграть в нем эпизод, как садится в машину и мчится по улицам.

— Что ты говоришь! — воскликнул я. — Представляю, какой это будет захватывающий фильм! А как будет называться? «Смертельная погоня»? Или «Кровавая гонка»?

— Не знаю, — пожал плечами Виктор. — Не интересовался.

— А откуда она? С какой киностудии?

— Кажется, с Ялтинской.

— Где остановилась? Адрес знаешь?

Виктор отрицательно покачал головой:

— Она приходит в автошколу, мы садимся в машину и едем. Через час расстаемся. Вот и все.

— И целый час ты паришься с ней в своей замороженной «шестерке»? Не поверю, что ты хотя бы раз не прокатился с ней на дикий пляж.

— Что ты! — махнул рукой Виктор. — Никаких пляжей не было.

— Может, тебе еще денег дать?

— Не издевайся, Кирилл! У меня этот долг поперек горла стоит.

— Так сколько уже дней, ты говоришь, она в твоей машине дрессируется?

— Два. Пока два.

Я сам не понял, пошутил или нет: